

Сообщество
Александра Солженицына

Пятница, 25 июня 1999 г.

Александр Солженицын: Я сознавал свой долг и испытывал страсть...

Недавно на общем собрании Российской академии наук президент академии Юрий Осипов вручил лауреату Нобелевской премии по литературе действительному члену РАН Александру Исаевичу Солженицыну Большую золотую медаль имени М.В.Ломоносова 1998 года.

Высшей награды Российской академии наук 80-летний писатель удостоен за выдающийся вклад в развитие русской литературы, русского языка и российской истории.

Согласно традиции после вручения награды лауреат выступает со своим докладом. Выступление А.И.Солженицына было выслушано с огромным вниманием. После завершения доклада весь зал встал. Аплодисменты не смолкли, пока лауреат не занял место в президиуме рядом с президентом РАН.

Читатели «Вечерки» имеют возможность ознакомиться с докладом, произнесенным всемирно известным писателем перед научной элитой России.

Я глубоко тронут и более чем польщен такой высокой наградой от Российской академии наук — с никогда не меркнущим для нас именем Ломоносова.

Еще гораздо более того я смущен, что эта награда настигает меня, новичка здесь, при столь блестящем короле заслуженных ученых, достойных ее ранее и более меня.

Я вороп в сознании, что писатель не имеет отдать полностью своим художественным приютам. Что рано или поздно он должен послужить своему народному сообществу, своему Отечеству.

Рано или поздно. А после выжигающих, истребительных наших десятилетий — даже чем раньше, тем лучше. Десятилетиями в нашей стране выбирочно уничтожался высший интеллектуально-духовный слой, особенно в гуманитарной и общественной области, уничтожались потенциально самые активные люди, способные к разумной деятельности. И, думая, у, когда есть силы — должны заменить истребленных, даже выходя за контуры своей профессиональной деятельности и своего жизненного плана. Поэтому, но по общественной страсти, я, едва начав публичный литературный путь, вынужден был много сил переложить на борьбу за общественную справедливость, в противостояние жестокому политическому режиму.

Но даже и более того я сознал свой долг — и испытывал страсть — раскопать и осветить завалы нашей недавней истории, мучительно переживал явную лживость официальных версий. Так, со своих 18 лет и далее чем за 70, главным делом своей жизни я видел: написать литературную историю Российской революции семнадцатого года.

Естественно, я начинал работу еще без всякой явной концепции. Долго двигался на ощупь, также и по ошибочным путям. Я приходил к осознанию истинного движения тех событий — в ходе самой работы над материалом, лынившим на меня морем фактов.

Это путь нелегкий. И сегодня множество наших соотечественников, а тем более западных людей, считают исходным толчком к российским бедам — Октябрьский переворот, а не Февральская революция, как было на самом деле.

Наблюдателя-потомка сердечно поражает то нетерпящее бескрайнее раздражение, та озлобленная непримиримость, которые разгорелись в образованном и многопартийном обществе по отношению к много вековой российской исторической власти, слизорукой решимостью сместь ее прочь — даже во время великой войны и при полном безучастии народного большинства. И в Феврале семнадцатого эта пружина разжалась и ударила — дальше представив сплетением кратких мелких случайностей, ударила, сотрясением в несколько дней заменив желанный, возможный и уже тогда равномерно осуществлявшийся спокойный эволюционный путь.

Касаясь исторического материала, художественная работа еще более усиливает личную ответственность писателя — до ответственности уже строго науч-

ной: эти глыбы событий не только не могут быть использованы как опорные площадки для авторских фантазий, но требуют археологической почтительности при раскопывании, при рассмотрении их вплотную.

Такая колоссальная раскопочная работа, никак бы не достичь мне в советских условиях, широко распахнулась после высылки на Запад. Там стали мне доступны и богатые русские архивы Соединенных Штатов, и вся печатность дореволюционной и русской эмиграции.

Процесс эволюции всякого языка течет постоянно: что-то постепенно теряется, что-то приобретается. Но крупная социальная революция — приводит в ненормальное, болезненное смятение также и весь язык, в опасных пределах.

Так и русский язык от потрясений XX века — болезненно покорежился, испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерей своих неповторимых красок и соков своей гибкости и глубины.

А с разложением языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это — и символическое, и духовно опаснейшее повреждение.

Лексическое обединение русского языка сейчас таково, что слова, естественно составленные из известных корней, приставок, суффиксов, — вдруг вызывают полное недоумение как некое экстравагантное словотворчество. И все более теряются энергичные краткие отлагательные существительные, особенно мужского рода, язык слабеет в вялых отлагательных среднегородских, а то еще и с суффиксами иноязычной природы.

По мере сил я противился это-

му осудительному процессу в моей литературной работе. И, отдельно от нее, еще треть века занимался составлением Русского словаря языкового распространения (до 40 тысяч слов); он опубликован на родине с моим возвращением. В этом словаре я старалась выявить и продемонстрировать на десятках тысяч примеров еще спасаемые несравненные яркость, свободу и сцепчивую подвижность нашего языка в различных грамматических сочетаниях.

Другая нынешняя порча языка — в том, что он замусоривается

множеством англоязычных слов, большей частью безнадобных, дубликатных, вместо преобразляемых русских. Правда, в этом последнем пункте нельзя считать надежды потерянной: например, в послепетровскую, в елизаветинскую пору письменный язык был затоплен обилием немецко-голландских, также безнадобных, заимствований — а со временем они схлынули как пена. Но тогда был здоров, не вредим сам стержень нашего живого языка — не как сегодня.

Ставя в пример Францию: там введен закон о сохранении языка. И нам бы так? Но в нашей ли, кругом разоренной, жизни? Тот закон — и в размеренной французской соблюдался слабо, принят инертно, — лишьнее свидетельство упадка и всей мировой культуры.

Небесомненным представляется и утверждавшийся у нас стандарт грамматических правил. Я печатал предложения по некоторой частичной коррекции их.

Академическую среду ранее другого обоснованно заботят верхние слои образовательной пирамиды — спасение высшей школы

в разоряемой стране. Именно успехи высшей школы становятся сегодня ключом к устоянию или неустоянию всей России как влиятельного государства. И не только в численности добротно образованных людей, и не только в высоте частно-прикладных знаний, но и в обширности общего кругозора их мировоззрения: лишь в такой среде могут вырастать фундаментальные идеи науки.

Чем выше по шкале и чем тоньше по структуре образования — тем губительнее отзывается на нем нынешнее едва-едва управляемое состояние страны. Еще никогда за три века своего существования на Руси наука не была покинута в таком пренебрежении и даже нищете.

Бесоголотки коммерции внедрен как верховная идеология. К тому же: в ходе так называемых реформ 1992—1994 годов системой путаных указов, неясных законов, недомолвок и частных благоволений — в России создана юридическая обстановка полного беззакония, так что крупному расхитителю нельзя предъявить даже четкого обвинения: закон дает ему невозбранный простор. В такой дикости — бескорыстной науке делать нечего.

В атмосфере, когда воровство

проросло всю государственную систему, имеющих власть и открепленных ими финансовыхмагнатов, когда оно в своих размерах превышает государственный бюджет, — эта гнусная дыхательная среда нисходит от вершин и ниже, как бы рекомендована и высшей школе. Ректоры высших учебных заведений обстоятельства принуждают к коммерческим же изворотам. Комерциализация высшего образования толкает к коррупции и огню. Очень по-разному — кто недостойно, а кто весьма достойно — спрашиваются с нею администраторы науки. Время нынешнее не отмечает, не венчает достойных. Однако каждый делающий знает сам, перед совестью, полноту и чистоту совершенного.

Одно из судорожных усилий — введение платности высшего образования и даже отдельных его элементов. В нашей действительности такая система выявляет себя как показная для студентов имущих и прергадная для неимущих. Образование несет уроны с обоих концов: одни теряют к учению — импульс, другие, талантливые, — возможность. А ведь не менее ищущих, устремленных студентов — в их образовании занятыесовсем

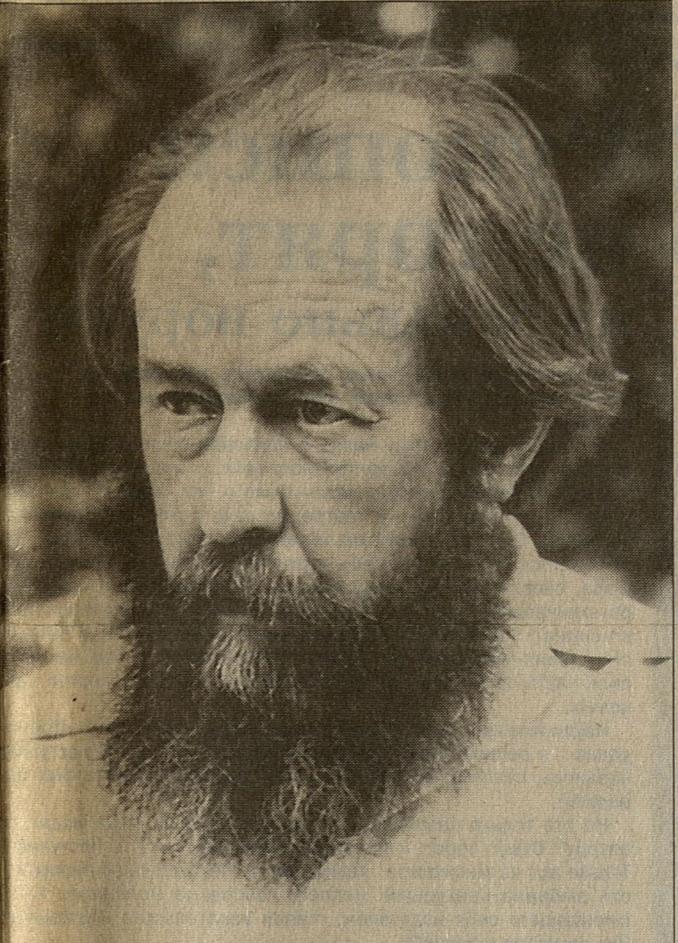
разумное государство.

Ветшает научно-техническое и лабораторное оборудование вузов, а на новых нет средств. Стартует профессорский состав, не находя себе свежей замены и подпоры в среднем учебном персонале — при нынешних плачевых финансовых условиях. А научные работники, не имеющие преподавания, бедствуют и горше.

И можно только поклониться стойкости всех их — не покидающих своих научных постов, не уезжающих за границу, даже кто и обсыпан таким приглашением: они мужественно справляются еще не рухнувший интеллигент России, не обединяя его своим отъездом; на плечах своих несут все растущие нагрузки, читают лекции в стесненных аудиториях, лекции, обрубленные по длине учебного часа. Однако же никак не падающие вступительные конкурсы, настойчивая тяга студентов к знаниям через голову, холод и нужду — поддерживают и профессоров в их жизненном и научном подвиге.

Небесомненным представляется и утверждавшийся у нас стандарт грамматических правил. Я печатал предложения по некоторой частичной коррекции их.

Академическую среду ранее другого обоснованно заботят верхние слои образовательной пирамиды — спасение высшей школы

обсуждали научные идеи еще в ходе разработки их.

А кому доступно — зорче пророчества дальнейшие перспективы, если не Академии наук?

Многие вузы прямо интегрированы в академическую систему. Но на Академии наук лежит и высшее послевузовское образование — тысячи аспирантов и тысяч докторантов. Академия! В мутном вихре невежественно-мальчишеских или откровенно грабительских лжеформ начали 90-х — уже намеченному, едва ли не обреченному на роспуску; в те же годы надменно теснимы аналитическими центрами, консультативными ассоциациями, институтами переходных проблем, рвущимися показать правительству и обществу несомненно верную дорогу страны; затем охлестанная рекламными вспышками поспешно возводимыми вузы — и на фундамент образования среднего.

Не могу коротко не отвлечь уважаемую аудиторию и к этой большой теме.

Все слабеющее, хрупкое про-

зябление наших школ — самих зданий, и школьных пособий, и всевозможной бедности учителей, заброшенных государством, обрывы их культурных возможностей

— вот уже и десять лет, полный школьный срок, толкают народное провещение превратиться в массовое воспроизведение невежества. Добавим сюда — нет, вычетом отсюда — запредельную тщету нынешних провинциальных, мелких и сельских библиотек, многими годами не пополняемых ничем плодотворным, — как будто не бывало позади никакой предшествующей русской культуры. Какова же база для развития молодежи?

При такой подорванности среднего образования — долго ли удержаться вершины науки?

Особо отмечу: светильные ре-

форматоры нашей средней школы

уже не раз предлагали сократить учебные часы по русскому языку или даже вовсе убрать его из расписания, например, слить с часами русской литературы (также как сокращаемы). Вытеснить русский язык! — когда он и без наших усилий изживается в отдельных республиках, для миллионов отчужденных русских детей: да насильтственно скимается и в школах автономий.

Сдливатель израненный русский язык и петлей географической, и петлей образовательной — значит, тянуть его к вырождению, а то и полному исчезновению.

Удивительно, но скрашиваются

и математические предметы,

программы по ним уменьшаются

и грубо упрощаются подрач-

ательным переем скороспеш-

ных и сомнительных новаций,

отклоняясь от высоких традиций

российской математической школы.

Этим не только расшатываются

пути во многие технические

науки, но снижаются и общая

математическая подготовлен-

ность нашего общества, падает

его элементарная логи-

ческая грамотность, что под-

рывает в людях даже и навыки четкого мышления.

В не меньшей опасности в средних школах сегодня находится и преподавание отечественной истории. Полная смена государственной и общественной обстановки в России, естественно, потребовала радикального обновления учебников по истории. С этой задачей справились только редкие авторы и лишь частично.

В объеме одной и той же обложки находим дичайшую перемесь восстановленных реальных фактов (далеко не всех) — и легковесных оценок, неосновательных трактовок. А словами программ, гуманитарные ценности европейской цивилизации — вставлены в формах весьма радиальных и однобоких.

Временные переходные учебники при суматохе вариантов — только еще больше раздергивают учеников. А денежно обеспеченые иностранные источники — фонды или секты — с готовностью берутся освещать, толковать нам русскую историю, быстро изготавливать свои учебники или штукарские учебные пособия, — и Министерство образования с захватом поспешностью визирует такие для школ, не пропустив через взвешенную научную экспертизу. В некоторых же учебниках и программах — из отечественной истории изымаются нынешние страны СНГ, как если бы их вовсе не было в истории России. Появляются и региональные учебники, знаменуя дальнейший разрыв единого учебного пространства России.

Среди промелькнувших недавно проектов школьной реформы не случайно были и такие, целы которых сводились всего лишь: как облегчить государству содержание школ — через приватизацию? Или так называемые образовательные вакуумы? Платность среднего образования? Все новые миллионы подростков вообще не кончат школьного курса, лишились своего собственного образования, часть их аврально выглядят через профтехучилища.

Тем сложней эта активно обсуждаемая школьная реформа, что должна совершившись при расширении, разборном, культурно-разорванном в клочья состояния России, уже прямо угрожающем распадом страны. При всем этом — как сохранить, не дать разъять единство образовательной системы? Не разрастись достоинства и ученые? Все новые миллионы подростков сидят в школах сортировочных классах, в эти годы смрадной общественной атмосфере выставившихся во всем материальным бедствием и унижениям. Не только по сумме и по пикам блестящих результатов, удивительным образом не гаснущих в нашей загубленной стране, — но прочным поддержанием самого духа высокой науки.

Однако при всей важности обра-

зования юношества — еще острой и отчаянной выстает задача его воспитания.

При провале воспитания даже сама удивительная образованность — может создать лишь бесчеловечное общество.

Даже нахватавшиеся аван-

гарднейшего образования, но с порченными душами, нам не выби-

раются из ямы.